

Г. Меттан²

СТРОИТЕЛЬСТВО ИМПЕРИИ, А НЕ МИРА, ГДЕ ЦАРИТ МИР

Вот уже примерно 20 лет, как мы вступили в эпоху постмодернизма. Уже несколько лет мы живем в эпоху постправды и постдемократии. Предполагается, что на международном уровне заканчивается эпоха постгегемонии, чтобы мы начали жить в многополярном мире. Может быть... Возможно, ученые, которые придумывают слова для описания новых реальностей, правы. Но, по-моему, это только новые слова, которые скрывают старые реальности за облаком пыли.

А единственная жестокая реальность нашего времени, несмотря на то что мы можем сказать о революции в сфере информационных технологий, новой трансформации промышленного производства, экономике 4.0, цифровизации и роботизации, состоит в том, что мы начинаем новое безжалостное соревнование за доминирование в мире. Наша планета — это ограниченное пространство: ее ресурсы, рынки для международных корпораций ограничены, происходит изменение климата, менее развитые народы, как и более сильные, стремятся сами управлять в своих странах. Западная гегемония под руководством США находится под давлением. В этом контексте напряжение и конфликты между народами, религиями, этническими группами, классами общества в долгосрочной перспективе будут только

нарастать. Культура и информация во все большей степени становятся инструментами власти, они встроены в глобальную борьбу за доминирование в мире.

Понятие новой холодной войны не является подходящим для понимания нынешнего положения дел в мире. Эта концепция хорошо звучит, но сбивает с толку и ведет к неправильному пониманию. Для того чтобы понять происходящее сегодня, не нужно смотреть на недавнюю историю, вместо этого нужно взглянуть в далекое прошлое, в историю давно минувших дней, когда начался упадок Римской республики и она превратилась в мировую империю.

По-моему, мы живем в переходное время — от того, что мы могли бы назвать «Имперская республика Соединенных Штатов Америки», к «Новой Американской империи». Термины важны, потому что цели, амбиции и ресурсы имперской республики сильно отличаются от целей империи.

Цели имперской республики неограниченны, ничем не сдерживаются. Имперская республика ориентирована на полное господство над миром. Она навязывает свои нравственные и политические ценности всему человечеству, у которого нет возможности разделить ее широкие взгляды. Так было в случае Советского Союза, который хотел распространить свои коммунистические ценности по всему миру, и так было в случае либеральной демократии США, которые также хотели навязать предполагаемые преимущества своей системы миру, страдающему от коммунистического правления. Так было во времена холодной войны, которая представляла собой конфронтацию двух имперских республик.

² Президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева). Депутат Большого Совета (парламента) кантона Женева от Христианско-демократической партии (PDC). Автор ряда книг по общественно-политической тематике и международным отношениям, в т. ч.: «Запад–Россия: тысячелетняя война», «Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио» и др.

После распада Советского Союза либеральная республика Соединенных Штатов Америки пережила короткое десятилетие полной гегемонии. Неоконсерваторы и либеральные демократы в Вашингтоне недолгое время думали, что победили в холодной войне, и навязывали либеральную демократию и свободный рынок остальному миру, о чем писал в своей книге о конце истории и триумфе либерально-демократических ценностей Ф. Фукуяма.

Президенты Буш-старший и Буш-младший, Билл Клинтон и кандидат в президенты Хиллари Клинтон, а также президент Обама являлись проводниками этой имперской воли и стремления к гегемонии. Для них Россия была больной мозолью, и они всегда стремились к тому, чтобы ее сломить, — так написал в 1996 году Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска». Но поскольку в этом они не преуспели, то попытались подчинить ее или насильственно трансформировать (в настоящее время посредством экономических санкций) хитрыми методами «мягкой силы» под западную либеральную демократию или свободную рыночную экономику, где доминируют США, транснациональные корпорации и правят представители глобалистской олигархии.

При этом в Европейском союзе доминируют доброжелательная Германия во главе с Ангелой Меркель и новая Франция, где правили Саркози и Олланд, отказавшиеся от идей де Голля: они предпочли присоединиться к командованию НАТО и сыграть роль верных сторонников интересов США, вместе выступив против их традиционных врагов типа Каддафи в Ливии и Асада в Сирии. Европейский Союз превратился в уполномоченного передатчика западных ценностей, либеральной демократии и свободной рыночной экономики в Европу и на Украину, а также в другие части света, особенно в Африку и на Ближний и Средний Восток.

Но избрание Трампа президентом разрушило этот проект и работу хорошо отлаженного механизма. Именно по этой причине с Трампом сейчас борются в Америке, а русофобия в США достигла огромных масштабов. Избрание Трампа стало показателем большого сдвига в американской политике и отказа от целей имперской республики, то есть тотальной гегемонии в мире, в пользу более прагматичного и удобного доминирования в ограниченной части этого мира. Трамп, как и Обама до него, разумно признал подъем Китая и новый подъем России как данность. Он придерживается мнения, что в настоящее время США должны сосредоточить внимание на своей основной территории (где инфраструктура и низшие классы общества находятся в отчаянном положении) и зоне своего влияния: Европе, Латинской Америке, Израиле и вассальных государствах Тихоокеанского региона, таких как Япония, Южная Корея или Таиланд. Именно это мнение вызывает недовольство неоконсерваторов типа Джона Маккейна и либеральных демократов типа Клинтонов. Они не могут принять отказ от гегемонии в мире и то, что им придется расстаться со своими мечтами. Именно по этой причине они не могут простить Трампа, который сломал их игрушку.

Что представляют собой характеристики империи и что это означает для России? Самое большое различие между имперской республикой и империей — это стабильность. Империи ищут стабильность, в то время как имперские республики стремятся к завоеваниям новых территорий, авантюрам, революциям. Нестабильность — их девиз и повод к существованию. Имперские республики всегда подвержены разочарованиям, их стремление к власти никогда не исчерпывается, в то время как империи могут признать свои границы, если им не угрожают на их собственной территории. Демократическая конфронтация народов, политических партий, культурных различий, разных религий внутри имперской республики постоянно поддерживает непрекращающееся кипение в котле: крышка всегда может слететь, и произойдет взрыв, а завоевание новых пространств — для них обычное дело, и не имеет значения, что покорять — культурные достижения, религиозные верования или территории.

Если сделать небольшой экскурс в историю, то римские завоевания совершили полководцы и олигархи республики, а не императоры. Римская империя, созданная Августом, отказалась от идеи покорения новых территорий и подчинения новых народов для сохранения имевшегося положения и была вполне счастлива управлять тем, что находилось в границах, установленных старой республикой.

В этом свете мы можем рассматривать Трампа как провидца и инициатора новой, только зарождающейся Американской империи. В предстоящие годы история покажет нам, будут ли его рассматривать как успешного гения типа императора Августа, который смог положить конец имперской республике, существовавшей долгие годы, и создать империю. Или он станет новым Юлием Цезарем, который хотел создать новую монархию, но в конце концов был убит сторонниками разрушающейся республики.

Для обеспечения стабильности империи нужно выполнить два основных условия: процветание и безопасность. Чтобы люди оставались спокойными, а в обществе постоянно поддерживалась «средняя температура», империи должны обеспечивать своим народам минимальный уровень жизни и комфорта. Во времена Римской империи это называлось *panem et circenses* (лат. «Хлеба и зрелищ!»). Другими словами, пока они обеспечивают хлеб и игры, еду и развлечения, империи могут существовать веками: их легитимность не ставится под сомнение.

Второе условие — это безопасность. В империи больше нет граждан, поскольку им не разрешается участвовать в управлении империей, но очень важно сохранять фикцию демократии, что идеально получалось у Августа, — люди должны чувствовать личную безопасность в разумных пределах. Полиция в империи должна быть сильной и действовать эффективно: пиратов, воров, спекулянтов-мошенников и смутьянов — возмутителей спокойствия необходимо судить или публично распинать на кресте, как Иисуса Христа, или они должны погибнуть, как Спартак. Их также можно отдать на растерзание львам, чтобы обеспечить зрелище на радость и в назидание массам: каж-

дый может видеть, что последует, если он нарушит порядок в империи. Бывшие президенты С. Милошевич, Саддам Хусейн и Муаммар Каддафи успешно сыграли эту роль на международной арене в последние годы. Они заслужили нашу благодарность, потому что умерли с честью в борьбе и показали великолепное развлекательное представление для западной публики. Президента Асада просили сыграть такую же роль, но он оказался более стойким или удачливым, потому что его неожиданно спас сильный человек Владимир Путин. Посмотрим, согласится ли Ким Чен Ын стать следующим кандидатом на роль жертвы в большом цирке Американской империи под аплодисменты всех без исключения западных СМИ. Поскольку шоу должно продолжаться, мы можем быть уверены, что в тот или иной день будут выбраны другие кандидаты.

Эти примеры демонстрируют, что для сохранения мира у себя в стране империям часто требуется вести войны за пределами своих границ. Чтобы насилие на внутренней территории оставалось на низком уровне, империям нужно выносить его за пределы своих стран. По этой причине империя никогда не живет мирно со своими соседями на протяжении долгого периода времени. Она должна вести войну, по крайней мере одну войну при жизни каждого поколения (один раз 20–25 лет), но не чаще. Во времена имперской республики необходимость вести войны возникает гораздо чаще: за 230 лет истории Америка вела войну каждые 3–4 года.

Хорошая новость, если можно так сказать, состоит в том, что чем в большей степени США будут превращаться в империю, тем меньше у них будет искушения вести войны. Если у Трампа получится превратить Америку в империю, риск войн снизится в 3–4 раза, но не исчезнет полностью. Империи по своей природе авторитарны, им нужны мощные вооруженные силы, а также сильная полиция. Плохая новость состоит в том, что эти войны, если и станут менее частыми, все же никогда не закончатся, что мы наблюдаем в случае с Афганистаном, где увязли войска НАТО. Империя может только выигрывать войны. Если империя проиграет войну, она исчезнет.

В этом случае у нее только два летальных варианта: в нее вторгнется победитель, или произойдет переворот по типу революции 1917 года в России. Империи могут проигрывать только сражения, но не войны. Римская империя проиграла много сражений, но ни одной войны, до тех пор пока не была полностью покорена после семи столетий существования. То же самое можно сказать о Византийской империи, которая существовала тысячу лет. Гений греческих правителей состоял в том, чтобы избегать проигрыша в войнах, а если такое все-таки случалось — в том, чтобы превратить эту неудачу в почетный мирный договор благодаря умелой пропаганде.

Империя также означает:

— цель — господство на территории с более четко установленными границами, при растущей вассализации составляющих ее частей. Фактически (но не на словах) империя не признает ни союзников, ни друзей, только государства-вассалы. Именно такой

курс сейчас проводится в Латинской Америке и Европе, после того как было покончено с левыми южноамериканскими правительствами и удалось добиться полного подчинения Европейского союза американской политике;

— медленное, но постоянное разрушение демократии. Мы вступаем в фазу постдемократии и формирования олигархического государства, когда демократия ограничена местным уровнем, то есть муниципалитетами и региональными правительствами;

— умное и дальновидное управление насилием. Империя становится все менее демократичной и все более авторитарной, и перед ней встает проблема управления насилием. Для того чтобы сохранять мир в рамках своих границ, ей требуется направить насилие за пределы своих границ, на окраины своих территорий, например в мусульманские страны и арабский мир. Теорию под этот особый экспорт насилия подвел мусульманский мыслитель Ибн Хальдун, который попытался объяснить успехи и провалы мусульманских халифов. Ибн Хальдун показал, что легитимность империи проявляется в ее способности обеспечить своему населению процветание и безопасность. Чтобы этого добиться, она должна расширять внутренний обмен товарами и услугами и «изгонять» чувство неуверенности и небезопасности за свои пределы. Другими словами, империи постоянно нужны войны за пределами ее территории — это и есть глубинное значение фактической борьбы с терроризмом или войн с неблагонадежными государствами, угрожающими международной безопасности, которые ведут США;

— империя по определению — не национальное государство. Нация может породить империю — это факт. Но как только национальная республика превращается в империю, она больше не может быть представлена одним народом. Империя — это сумма разных народов, религий, культур и т. д. Империя по сути космополитична. Это может быть «плавильный котел» или открытый рынок для мигрантов, что обязывает ее быть авторитарной, чтобы справиться с ксенофобией;

— новая организация труда с созданием нового типа крепостничества. При новом имперском порядке, который глубоко олигархичен, наблюдается тенденция ко все большей концентрации экономики в руках небольшой группы предпринимателей, которые становятся все богаче. Именно это произошло после колониальных войн, которые вела Римская республика: земля распределялась между гражданами-солдатами, а потом маленькие фермы были заменены небольшим количеством лиц, в руках которых была сконцентрирована земля, и крупными землевладельцами с обширными поместьями, которые получили название *латифундии*.

В этом смысле равенство и средние классы исчезают, чтобы быть замененными только двумя классами: с одной стороны, крупные владельцы и класс олигархии, с другой — народные массы, превратившиеся в уязвимый и доступный для использования рабочий класс или даже класс безработных, как в Римской империи, когда низшие классы поддерживали публичной раздачей хлеба и зерна.

Новый экономический порядок также способствует приватизации государства. Государственные услуги и обычные обязанности государства приватизируются шаг за шагом или делегируются в частные руки, как было в Римской империи или французской монархии. Армии фактически приватизируются, превращаясь в так называемые профессиональные армии, в которых солдаты получают жалованье. Гражданин-солдат и воинская повинность исчезают. И вскоре, в следующие десятилетия, финансовые услуги тоже будут приватизированы под предлогом большей эффективности частного сектора;

— империя более стабильна и предсказуема, чем республика, но и более опасна. В случае России это оз-

начает, что если Трамп добьется успеха, то она получит временную передышку, но только временную. В долгосрочной перспективе опасность открытой войны и прямой конфронтации выше у империи, чем у республики.

В таком мире может происходить только разрушение истинной культуры. Больше нет места для творчества, независимости и прорывов. Могут использоваться только старые образцы или новые банальные и социально незначимые новшества. Превалирует массовая культура, которая представляет собой эффектное зрелище, но истинная культура живет в ограниченных маленьких группах мыслителей или художников, которые поддерживают свет, но только для ограниченной аудитории.